

К 61

0311

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

А. КОЛОСОВ

29644

Девочка
из
колесья

29644.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
1942

ДЕВОЧКА ИЗ ПОЛЕСЬЯ

Было вьюжно, дул сильный ветер. На мельнице, в боковой избушке, которую называют тепляком, сидели помольцы — человек десять.

Тускло горел фонарь. В его немощных и то-скливых отсветах видны были шапки помольцев, бревенчатые стены избушки да какой-то старый плакат, написанный тревожно-пестрыми красками.

На мельнице что-то не ладилось, помол шел трудно и медленно, и людям, привезшим для помола рожь и пшеницу, предстояло провести здесь всю ночь. Оттого и разговоры были скучные. Колхозница Евстигнеева поссорилась со стариком Ягодиным: Евстигнеева говорила, что она подъехала к ветряку раньше всех и, стало быть, ее пшеницу надо обмолотить «в первую голову». Мохнатый, волосатый старик Ягодин, посасывая трубку и наполняя тепляк злым дымом, возражал кротким, даже ласковым голосом:

— Мы не глядели, как ты ехала-приехала. Мы глядели, кто первый мешки занес. Кто первый мешки занес, тому и первая очередь. А нахальства не надо.

Колхозница Вавилова разругалась с мельником Туркиным, когда тот пришел в тепляк за ведром.

— Вон в Вязовке и Макарове ветряки третий месяц без останова работают. А у тебя — один день помолу, два дня ремонту. Если ты уж такой неспособный, приходи в правление и скажи: «Прогоните меня по шеям с мельницы, чтобы я людям вреда не делал...»

Мельник поднял свой фонарь, осветил Вавилу и произнес односторонно:

— Вот и поезжай в Вязовку. А то тебе здесь долго ждать придется. Недели две ждать придется.

Тут все зашумели, стали ругать мельника за «хладнокровие», «растяпство» и т. д. Мельник махнул рукой и вышел из тепляка.

Второй раз затопили печурку. В тепляке становилось все жарче. Старик Ягодин все дымил и дымил злым табаком...

Вдруг дверь раскрылась, в тепляк вошли две женщины, густо запорошенные снегом. Одна — рослая, широкоплечая — несла, прижав к груди, большой узел, и лишь по тому, как она несла этот узел и прижимала к груди, можно было догадаться, что она несет ребенка, закутанного в какие-то шали и полушалки. За женщинами спешил с фонарем мельник.

— А ну, граждане, — произнес он громко и даже сурово. — А ну, дайте людям отогреться.

Рослая женщина торопливо откладывала на

скамью шали, полушалки, мешки. Она произносила тихие, не знакомые помольцам слова, но все ощущали, что слова эти бесконечно теплы и ласковы.

— Откуда будете? — спросила Вавилова.

— С Белоруссии, — сказала женщина. — С Полесья. Мы тоже колхозницы.

— Вот что! С Белоруссии. И куда теперь?

— Да тут недалеко, в колхоз «Большая Вол». Слышали?

— Ну, как не слышать. И пяти километров отсюда нету. Значит, вы туда на работу?

— Конечно, на работу. Она — доярка, а я была огородным бригадиром. И птицеводство хорошо знаю. У нас была большая ферма. Одних гусей две тысячи...

Она сняла еще одну шаль, и помольцы увидели чернокудрую девочку трех, может быть, трех с половиной лет.

— Ах, ты глазастая! — изумился мельник.

И в самом деле, глаза были большие, черные и лучистые, даже неправдоподобно лучистые.

— А как звать-то?

— Зовем Зерочкой. А как ее звать по-настоящему — не знаем.

— Да она что, не ваша разве?

— Она цыганочка.

— Цыганочка? А откуда вы ее везете?

— С своей стороны везем. Из-под немцев.

Она усадила девочку у печурки, достала из баула сайку, протянула девочке. Та долго смо-

трела на огонь, потом на мохнатого, волосатого Ягодина, потом лукаво взглянула на рослую женщину и засмеялась, и было похоже, что в душную, прокуренную эту избушку залетел жаворонок.

Белорусские колхозницы присели на мешки и стали тихо рассказывать.

...Их колхоз расположен на берегу Припяти. Вокруг деревни шумят яблоневые, вишневые сады. В Старице, русле давным-давно высохшей реки, артельные пчеловоды завели пасеку в тысячу ульев. «Целый город, и пчелы эти — словно золотой жужжащий дождь». А какие удавались хлеба, и какой был скот, какие лошади!.. За колхозными огородами — пруды, и в полуденный час, когда солнце стоит над головой, невозможно на эти пруды смотреть: глазам больно. Блещут воды, а по водам, как белые снега, плывут гуси, гусенята, утки...

— Мы ведь миллионеры. Мы осушили две сотни гектаров болот и начали было большую гидростанцию строить, да вот война...

...В колхоз ворвались немцы. Мужчины ушли в леса, — рыли землянки, выходили взрывать мосты, немецкие эшелоны. За рекой, в сорока или сорока пяти километрах, есть интернациональный колхоз: в нем — белоруссы, украинцы, евреи, цыгане. Люди из того колхоза тоже пришли в припятские леса и смешались с людьми здешними. Партизанских отрядов стало много. Одним отрядом руководил цыган, звали его

Имкой. Цыгане жарко полюбили артельную землю и мстили немцам люто. Имко подходил со своими людьми к избам, где жили немецкие офицеры, бросал через окна гранаты.

...Эти женщины покинули деревню два месяца назад. Уже лежал снег, когда они шли по болотам, кочкарникам, сквозь лесные гущины к фронту. Натыкаясь на немецкие заставы, они уходили далеко в сторону. И снова шли, шли... По ночам видели отсветы пожаров. Иззябшие, изголодавшиеся, дошли до села, где интернациональный колхоз. Дымились головы, гарь стояла над огромным пожарищем. Женщины видели трупы. Крохотная девочка сидела подле трупа, водила ручонкой по окровавленному лицу матери, звала ее... «Разве она понимает, что мать-то уже никогда не проснется». Дул холодный ветер, падал снег... «Посмотрели мы, подумали и взяли девчонку с собой. Вот и едет она с нами, едет...»

Было тихо, лишь за мельницей шумела метель.

— Партизанская сирота, значит? — раздумчиво произнес мельник.

Помолчав, произнес еще:

— Все нации, все народы сошлись в одном: своей советской доли не отдавать никому.

Старик Ягодин вынул трубку. Набивая ее, смотрел на девочку, проговорил:

— Прокормить дите — пустяк. Собрать собрание, и нанесут всего: кто рубаху, кто куру, кто чего. Тут уж долг всех и каждого...

Глядя на Ягодина, на то, как он раскуривает трубку и, раскуривая, подмигивает девочке, та серебристо засмеялась, и снова было похоже, что в избушку залетел жаворонок. Мельник сказал:

— А почему в семью не взять! В семье оно и не заметишь, как вспойшь, вскормишь. Ейный, допустим, отец за кого погиб? Да за моих же родных детей и погиб. Нации, допустим, разные, а мысль души — одинакова. Хоть меня взять. Разве я откажусь вспоить, вскормить дите это малое.

Снова было слышно, как шуршит снегами метель.

— А я вот и совсем бездетная, — грустно и задумчиво проговорила Вавилова. — И обшла бы ее, обула бы. Она мне, может, будет роднее родной...

Белорусские колхозницы как бы не слышали этих слов.

— Вот отобьем Белоруссию, — сказала рослая женщина, прижимая к себе девочку, — отобьем Белоруссию, вернемся домой и заживем, уж так заживем... Ну, что ж, отогрелись, ехать надо...

... Вавилова помогала женщинам одеть, укутать девочку.

— А то бы ко мне ночевать, — грустно говорила она белорусским колхозницам. — Самовар бы поставила, яишницу сжарила... Молочком бы девочку парным напоили...

Но колхозницы торопились.

Поправляя на девочке платок, Вавилова вдруг заморгала. Прерывисто заговорила:

— Черноглазочка моя ласковая, сиротинушка моя...

...Впереди шли с фонарями мельник и старик Ягодин. А девочку несла Вавилова. Старик Власов, оставшийся было в тепляке, надел шапку и тоже поспешил на улицу. Метель все еще бушевала.

— Ну, счастья вам!—прокричал Власов.

— Счастья вам! — повторила Вавилова.

В отсветах фонарей видны были фигуры мельника и Ягодина. Они смотрели на уходящие розвальни и, казалось, тоже взволнованно кричали этим женщинам и черноглазой девочке, дочери неизвестного цыганского партизана:

— Счастья вам!..

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Всю ночь ухали пушки. Над жнивьями, взметами, озимями огненно струились трассирующие пули. Немцы вползли в колхоз с трех сторон. Шли озираючись, пуганно вытягивали шеи, заглядывали за углы изб.

Выстрелы звучали все глуше, потом стихли совсем. По улице шел Стелка Тарасов, бездельник, пьянчуга, хвастун.

Постукивая в окошки, он кричал зычно:

— Выходи, выходи! Военный приказ даденный, чтобы все, до единой души, на ударный ремонт мостов, дорог. А ну, выходи...

«Стало быть, нанялся, собака, к немцам». — Люди, однако, помалкивали, и лишь немногие глуховато произносили:

— Я, сам знаешь, имею по нетрудоспособности полное освобождение.

— А ну, давай без этих твоих разговоров. Бери лопату, топор и — ну! Время военное: за дисциплину — мгновенный расстрел.

* * *

Вся деревня, даже ветхие старики, старушки, побрели за село. Впереди ехал на лошаденке немецкий солдат с сивыми глазами. На всех дорогах дымились искаженные танки, грузовики. В колдобинах, вырытых снарядами, в придорожных канавах так и сяк, то плашмя, то страшно изогнув ноги, лежали мертвые немцы.

Тарасов, — солдаты называли его старостой, — задержался в деревне, а сивоглазого немца нельзя было понять: то ли сперва надо стаскивать с дороги грузовики и танки, то ли рыть ямы и засыпать немцев... Солдат кричал что-то, ярился, потом вынул револьвер, ужасно затыкал им на старух. Те сели прямо на дорогу, закрыли глаза, беззвучно зашевелили губами.

Тут прибежал Стелка, он, сукин сын, понимал немцев с полуслова:

— Десять человек — сюда, а вы давайте сюда, а вы... эй вы там.. задумались!.. вы становись сюда...

Работали девять часов без остановки. Передохнуть бы, покурить, но сивоглазый солдат все время переезжал от группы к группе. Лицо у него было ощеренное, кусающее, и, казалось, что он всё примеривался, кого бы тут утешения ради, срезать пулей.

К вечеру изголодались, тихо говорили:

— Где его благородие-то староста свинячий? Надо ему доложить, что мы с самого утра не евши...

А «староста» уже сидел на лошади, в седле. И лошадь и седло были немецкие. Все понимали, что Степка выпил: был он багров, потен и наезжал прямо на людей.

— Кто,—интересует меня этот вопрос,—кто тут вольнику вольнит, а? Кому это тут прекрасного курорту захотелось, а?..

Вдали на пригорке показались немецкие грузовики. Их было много. Шоферы, видно, тщились объехать запруды из горящих танков, но, объезжая, застряли, и весь эшелон остановился.

Два светлых самолета проплыли над скопищем машин, затем вернулись, ширкнули вниз, и казалось, что вся земля раскололась вдребезги. Взрывы фугасных снарядов сливались со взрывами тех орудийных снарядов и мин, которыми был нагружен эшелон,—колыхалась земля.

Пробежав полкилометра, люди остановились, смотрели на огни, пожиравшие эшелон.

— Это наши!—радостно кричали колхозницы, единоличницы.— Это наши крошат!..

Вернувшись домой, чуть не остолбенели: уж в свои ли избы пришли?

Солдаты рубили лавки, сносили полаты,— делали в избах нары. На сеновалах и в катухах надрывно плакали ребяташки. Погреба раскрыты, возле них валялись как попало опустошенные кадки, балакири. Крыльца покрыты куриными, гусяными перьями. Иные немцы, оголившись до пояса, стояли у пылающих печей, варили что-то.

Люди пошли кто куда: на сеновалы, огороды, гумна. Там и тут во тьме слышался шопот:

— Иуда-то где?

— В правлении. И унтер там. Совещание идет: сколько им надо хлеба, сколько мяса, шерсти... Степка разверстку пишет. Такую разверстку пишет, что хоть сейчас всем в могилу. И потом еще он список пишет: кто ненадежный.

— Непременно надо дознаться, кого он в список пишет, и каждого оповестить. Теперь если не будем держаться один за одного, так всем нам будет могила.

— Эх, дожили.

— Тише вы! Стреляют где-то.

— Погоди, погоди! Ведь это в избе Александры Байдик стреляют.

Через минуту услышали надрывный, пересекающийся голос. Потом все стихло.

— Бабы, в избе-то огонь светится. Ну-ка, поглядите, что там...

Женщины крались бесшумно, прислушиваясь к шелестам, шорохам. Припав к окнам, увидели:

подле кровати свалилась беременная Александра Байдик,— не шелохнется. Откинута рука в крови. На кровати, повернув к окну рассеченный лоб, полузакрытые, неживые глаза, лежит обнаженная юная сестра Александры. А над ней...

Коренастый, конопатый унтер, услышав, видно, под окном шум, поднял голову, покосился белесым глазом, потом тяжело слез с кровати...

Женщины отпрянули от окон, побежали шумно,—ужас проник, казалось, в кости...

Не откликаясь на расспросы («Ну, что там? Что?..»), шептали прерывисто:

— Она, видно, ему не давалась... Он застрелил и уж мертвую-то... мертвую...

* * *

Когда бой идет уже в переулках, в прогалах и на задворках и снаряды проносятся над коньками изб, и пули цокают по придорожным камням, женщинам и ребятам не следует выходить из погребов, подвалов, ям... Но наступают минуты, когда все, даже древние бабки, явственно ощущают, что хотя немцы еще тут, в колхозе, но они одолены, ошеломлены или, как говорят иные деревенские деды, «немцы уже пустили цикорию» и вот-вот побегут... Минуты эти неописуемы.

Торопливо крестятся старухи, жарко шепчут о «купине неопалимой», о «спасе нерукотворном», и лица их просветлены мягкой и чистой,

почти младенческой радостью. Матери, позабыв все страхи и только еще крепче прижимая к себе крохотных детей, бегут к калиткам, воротам, к щелям. И уже совсем немислимо удержать в эти минуты ребят, ребятишек. Они тоже знают, что «немец пустил цикорию и сейчас побежит». Вырвавшись к воротам, к завалинам, они кричат восхищенно и самозабвенно, не слыша своих голосов, и по всем улицам несется:

— У-у-у-у!..

Мимо изб грохочут, поднимая вееры снега, тяжелые наши танки, мчатся конники.

Женщины рыдают от восторга, от сознания, что вот и минула страшная эта пора мрака, стужи, унижений. Высоко, как только могут, они поднимают к танкистам своих детей. Старуха Желкова, маленькая, исхудалая, подходит к самой дороге. Она держит над головой обрывок картонного транспаранта, видно, висевшего когда-то на улице. Неведомо когда и где подобрала она этот обрывок и теперь, подняв над седой головой, рыдая и смеясь, понесла его навстречу танкистам. Это она несет портрет Сталина. Танкисты кивают головами и мчатся дальше: они сейчас перережут дорогу, по которой бегут немцы.

Поблескивают топоры,— идет колхозный конвой. Руки Степки Тарасова закинута за спину, связаны веревкой. Но двум старикам, шагающим сзади, все кажется, что веревка завязана не так, как надобно.

— Стой! Стой! — кричат они.

И еще туже стягивают веревку, приговаривая:

— Фашизму захотел, сучка!..

Конец, конец немецкому игу!..

* * *

В артельных амбарах, на складах и фермах — перекликающиеся голоса, звяканье лопат, косырей, ведер. Женщины чистят, моют загаженные немцами закрома, станки, самые стены.

Один склад уже вычищен, вымыт. У дверей стоит артельный завхоз, перед ним — множество салазков. Колхозницы решили: разрыть все ямы, куда они спрятали от немцев картофель, и половину отдать артели — на семена. Сейчас завхоз принимает этот картофель.

К складу подходит Колесников, — вчера его выбрали председателем артели. Он очень озабочен

— И о телятах тоже много не беспокойся, — кричит ему Фекла Цибаркина, гремя ведром и опраляя юбку. — Без скотины колхоз не оставим. Всех своих телушек на ферму предоставим. Нынче каждый понимает: колхоз человеку главной всего.

— О телятах не беспокойся, — подхватывает Ольга Сверкалова. — Сделаем общее постановление, и — конец делу. А вот мы сейчас, Колесников, толковали промеж себя о парниках: пора бы уж котлованы чистить. Может, нам сейчас на парники бы итти, а?..

Мимо амбара торопливо идут Григорий Каргин, Василий Казаков, Миша Андреев...

— Куда вы?

— Опять за трофеями. Надо будет подальше в лес пройти.

Они уже привели девять немецких лошадей, пусть старых и до неправдоподобия тощих, но подкормить, поправить коняк все-таки можно.

— Ну, удача вам!..

С топорами, пилами и рубанками спешат артельные плотники, столяры. Позади шагает искуснейший столяр Харцук.

— А чего нам до завтра ждать! — говорит столяр председателю. — Кое-какой лешишка мы нашли: рамы для новой кузни можно сделать, двери... Ну, и балки подходящие тоже нашли. Сердце-то уж больно стосковалось, вот и того... Думаем: чего нам до завтра лесу ждать, когда он вон кругом лежит. Собрались да и пошли...

Но самая жаркая работа идет не тут, а на артельном току. Еще утром, едва разгорелась заря, колхозники подвезли к скирдам молотилку. Старик Желков, несловоохотливый, почти всегда нахмуренный, поднялся на скирду, снял шапку, полузакрыв глаза... Все поняли: хочет говорить.

— Други мои...

Стало тихо, так тихо, что слышно было дыхание людей.

— Други мои... сынки, дочки мои! С милой вас жизнью, с милой всеобщей работой...

Поклонился, добавил:

— От этого дня и до последнего буду перед вами прямой и верный стахановец.

Пришли на ток и единоличницы. Как и все, они трудятся споро и страстно, и все понимают, отчего эти женщины, так долго сторонившиеся колхоза, теперь слились с артельным миром и всё радуются, что из рукавов молотилки струится такое розовое, сухое и крупное зерно:

— Вот это, бабыньки, семена. Первейшие!..

* * *

А в избах, да и то не во всех, остались только старенькие бабки: они присматривают за ребятами. И если войдешь в избу и спросишь, где хозяйка, где вся семья, старуха скажет:

— Да все ушли колхоз строить.

С. Потрислово, Малоярославецкого района,
Московской области

Тир. 1.000.000. Издательство «ПРАВДА». Цена 10 коп.

А 61479. Подписано к печати 26/VIII—42 г. Заказ 2320.

Типогр. газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.